

- of pedagogical interaction of subjects of educational process]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Professional education in Russia and abroad]*, 2015, no. 3 (19), pp. 45-54. (In Russ.).
6. Zolotukhin V.M. Vliyaniye kachestva zhizni i potrebnostey na formirovaniye srednego klassa [Impact of the quality of life and needs on the formation of the middle class]. *Vestnik KemGU [Bulletin of KemGU]*, 2014, no. 1-1 (57), pp. 183-187. (In Russ.).
 7. Zolotukhin V.M., Stepantsova E.V. Rossiyskaya mental'nost' v ramkakh pravovoy normativnosti [The Russian mentality within the legal normativity]. *Vestnik KemGU [Bulletin of KemGU]*, 2015, vol. 2, no. 1(61), pp. 207-210. (In Russ.).
 8. Zolotukhin V.M., Tarasenko A.A. Sotsial'no-filosofskiy aspekt spetsifiki ugovornogo pravoprimeneniya v Rossiyskoy mental'nosti [Socio-philosophical aspect of the specifics of the criminal enforcement in the Russian mentality]. *Vestnik KemGU. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bulletin of KemGU. Series: Humanities and social sciences]*, 2017, no. 3, pp. 55-60. (In Russ.).
 9. Kistyakovskiy B.A. *Sotsial'nye nauki i pravo [Social Sciences and law]*. Moscow, Izdaniye M. i S. Sabashnikovykh Publ., 1916. 817 p. (In Russ.).
 10. Kozyrev G.I. Obraz vneshnego vruga kak faktor legitimatsii politicheskogo rezhima v sovremennoy Rossii [Image of an external enemy as a legitimizing factor of the political regime in Russia]. *Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological research]*, 2018, no. 1, pp. 52-58. (In Russ.).
 11. Korkunov N.M. *Istoriya filosofii prava [History of philosophy of law]*. St. Petersburg, tip. M.M. Stasyulevicha Publ., 1912. 605 p. (In Russ.).
 12. Politsiya, kotoraya deystvuet v Rossii, vpolne sootvetstvuet sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy sisteme, sushchestvuyushchey seychas v strane. Interv'y u s Leonidom Kosalsom [The police, which operates in Russia, is quite corresponds to the socio-economic and political system existing in the country nowdays. Interview with Leonid Kosals]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic sociology]*, 2018, vol. 19, no. 1, pp. 14-24. (In Russ.).
 13. Sorokin P.A. *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskij etjud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali [A crime and punishment, a feat and reward: a sociological etude on the basic forms of social conduct and morality]*. Moscow, Astrel', 2006. 618 p. (In Russ.).
 14. Sumenkov S.Yu. *Privilegii i immunitety kak obshchepравovyye kategorii: avtoref. dis. kand. yurid. nauk: 12.00.01 [Privileges and immunities as general legal categories. Author's abstract of diss. PhD in law: 12.00.01]*. Saratov, 2002. 26 p. (In Russ.).
 15. Supataev M.A. *Kul'turologiya i pravo [Cultural studies and law]*. Moscow, Akademiya Publ., 1998. 356 p. (In Russ.).
 16. Uголовnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Federal'nyy zakon ot 13 iyunya 1996 goda № 63 – FZ. S izm. i dopolneniyami na 19.02.2018 № 35-FZ [The Criminal Code of the Russian Federation. Federal law dated on June 13, 1996, no. 63-FZ. with with changes and additions on 19.02.2018 No. 35-ФЗ]. *Konsul'tant-ptyus [Consultant plus]*. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
 17. Chetverikova I.V. *Uroki liberalizatsii: otpravlenie pravosudiya po ugovornym delam v ekonomicheskoy sfere v 2009-2013 godakh (issledovatel'skiy otchet) [The lessons of liberalization: the administration of a criminal justice in the economic sphere in the 2009-2013 (research report)]*. St. Petersburg, ILEEU SPb Publ., 2016. 56 p. (In Russ.).
 18. Zolotukhin V., Zolotukhina N., Yazevich M., Rodionov A., Kozyreva M. V. Ideological paradigms and their impact on environmental problems solutions in coal mining regions. *E3S Web of Conferences The Secons International Mining Symposium*, 2017. (In Russ.).

УДК 82.02

ИМПРЕССИОНИСТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЛИРИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Грушицкая Марина Александровна, аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ). E-mail: bambuk1331@yandex.ru

Рубеж XIX–XX столетий – период важных перемен, время переосмысления традиций и ценностей, появления новой картины мира. Оно наполнено религиозно-философскими исканиями, изменением роли творческой деятельности, ее жанров и форм. Одной из реакций на изменение

социокультурной ситуации в мире был импрессионизм как феномен культуры, в основе которого лежало новое художественное видение мира. Импрессионизм в России не сформировался как отдельное направление, но его черты можно наблюдать в различных жанрах искусства, в том числе и поэзии. В русской лирике рубежа XIX–XX веков появляются различные направления, это и акмеизм и футуризм, и символизм, на основе которого автор статьи выделяет суггестивную лирику. В ней наиболее ярко были выражены импрессионистические тенденции, так как суггестивная лирика основана скорее на ассоциациях, на дополнительных смысловых и интонационных оттенках, чем на логически оформленных связях. Определение суггестивности в русской литературе впервые было введено В. С. Соловьевым. В данной статье описываются основные характеристики суггестивной лирики и определяются импрессионистические черты данного направления, тем самым более полно раскрывается специфика импрессионизма в России конца XIX – начала XX века. Выявляются такие черты, как: использование широкого набора разнокультурных контекстов; особое отношение к слову в произведении; обязательное ожидание второго плана. Здесь содержание угадывается, а не передается дискурсивно; внимание акцентируется на общении, в котором главенствующее положение занимает субъективная позиция автора, хотя одновременно значимой является активизация читательского восприятия, принимаемого в расчет уже на стадии создания произведения и становящегося тем самым структурным элементом этого произведения. В заключение подчеркивается значение взаимодействия суггестивной лирики и импрессионизма, которое, несомненно, является особенностью и естественной частью социокультурного пространства России на рубеже XIX–XX веков.

Ключевые слова: импрессионизм, суггестивность, суггестивная лирика, Серебряный век, русская культура.

IMPRESSIONISTIC FEATURES OF THE LYRICISM IN THE ART CULTURE OF RUSSIA OF THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Grushitskaya Marina Aleksanrovna, Postgraduate, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: bambuk1331@yandex.ru

Impressionism in Russia failed to develop as an independent trend, but some of its signs can be seen in various genres of arts, including poetry. This article describes the principal characteristics of suggestive lyric poetry and states its impressionist features, thus profoundly characterizing the specific character of Russian impressionism in the late 19th – early 20th century. In the late 19th – early 20th century, the Russian lyric poetry developed various trends, like acmeism, futurism, and symbolism, on the basis of which the author of the article distinguishes suggestive lyric poetry, where impressionist trends are the most pronounced ones, because suggestive lyric poetry is based more on associations and supplementary semantic and intonation nuances than on logical connections. V. Solovyev was the first to introduce the notion of suggestiveness in Russian literature. This article describes the principal characteristics of suggestive lyric poetry and highlights its impressionist features, thus profoundly characterizing the specific character of Russian impressionism in the late 19th – early 20th century. It also reveals such characteristics as: use of a wide range of diverse cultural contexts, special attitude to words in a literary work, compulsory expectations of the background action; the content should be guessed but not be rendered discursively; attention is focused on communication, where the author's personal point of view takes the leading position, though at the same time it is important to intensify the readers' perception, which is taken into account in the early stage of the poem creation, thus becoming a structural element of this poem. Finally, the article highlights the significance of the interrelations between suggestive lyric poetry and impressionism, which is an obvious characteristic feature and a natural element of the Russian social and cultural space in the late 19th – early 20th century.

Keywords: impressionism, suggestive character, suggestive lyric poetry, Silver age, Russian culture.

Импрессионизм, или способ уловить изменчивые нюансы окружающего мира в их движении, как известно наиболее ярко проявил себя в живописи. Но, в то же время, импрессионистические мотивы нашли свое выражение в музыке, скульптуре, поэзии. Задачей настоящей статьи является выявление элементов импрессионизма в лирике русских поэтов рубежа XIX–XX веков. Наиболее тесно этот способ представления реальности оказывается связанным с лирическими произведениями, а более точно, с теми из них, которые отличаются суггестивностью, то есть усиленной передачей определенных настроений для того, чтобы не просто передать, но и напрямую внушить их читателю.

В данной статье мы будем пользоваться понятием суггестивной лирики, так как именно это понятие наиболее точно характеризует тот пласт поэзии, в котором выражены черты импрессионизма. «Суггестивное искусство – это излучение различных пластических элементов: их сближения и комбинации порождают грезы, которые озаряют, одухотворяют произведение, будят мысль. Суггестивным искусством является волнующая душу музыка; таким искусством является и мое искусство, благодаря комбинации различных элементов, которые я сближаю, и формам, преобразенным вне какой-либо связи в импрессионизме, открыто заявив в книге “Себе самому”: “Все с внешним, но все же в соответствии с определенной логикой”», – писал О. Редон (см. [16, с. 67]). Главное эстетическое свойство суггестивной лирики – очаровывать, с помощью импрессионистического контекста влияя на эмоциональную сферу и подсознание читателя.

В России тему суггестивности впервые поднял В. С. Соловьёв. В своей статье «Буддийское настроение в поэзии» он пишет, что основным содержанием поэмы Арсения Голенищева-Кутузова «Старые речи» является древнеиндийская философия, а суггестивность выражается во внушении читателю особого настроения печали, безвыходности, безнадежности по отношению к судьбе «дворянских гнезд».

В научной литературе встречается следующее определение суггестивной лирики: это «особый вид лирики, основанной не столько на логических

предметно-понятийных связях, сколько на ассоциативном сочетании дополнительных смысловых и интонационных оттенков» [8, с. 95].

Конечно, суггестивность в лирике встречается и до появления символизма, достаточно вспомнить некоторые стихотворения А. С. Пушкина («Редет облаков летучая гряда», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»), А. А. Фета («Шепот, робкое дыханье...»)… Но именно во второй половине XIX века на волне появления новых приемов и смены ценностных установок можно наблюдать заинтересованность поэтов символистов в специальном использовании приемов суггестии, которые органично сочетаются с импрессионистическими способами представления реальности. В произведениях В. Брюсова, А. Блока, И. Анненского, К. Бальмонта, Ю. Балтушайтиса, А. Белого и других осознанно применяется данный прием. Например, возьмем стихотворение А. Блока «В углу дивана»:

*Но в камине дозвенели
Угольки.
За окошком догорели
Огоньки.
И на выюжном море тонут
Корабли.
И над южным морем стонут
Журавли [3, с. 68].*

Отношение к слову подобно здесь импрессионизму в живописи, где настроение выражается отдельным мазком кисти: оно представлено читателю не только как импрессионистически многозначное, но и как суггестивное. Новая поэзия свободно пользовалась широким набором разнотипных контекстов. У слов новой поэзии было различное происхождение. Они восходили и к старой романтической лирике, и к этнографической экзотике или к историческим стилизациям. Наряду с этим существовал и подбор специфических значений – общесимволистических и индивидуальных, доступных более узкому кругу читателей. Но это словоупотребление имело некий объединяющий принцип – особое отношение к слову в произведении. Поэтическая система приучала своего читателя воспринимать каждое ее

слово, как выражение неких глубинных значений, часто не до конца проясненных значений второго плана. Например, «Зовы древности» К. Бальмонта, где каждое слово, будь то наименование города, растения или имя Бога, уникально, как бы не связано с общим текстом, но в целом произведении появляется суггестивность как выражение определенного настроения автора.

*Коуатепек, Амантлаи, Тлалок,
Маис, Ксочикветуаль, Кветцалькокскокстли,
Тлаксолтаи, Оайя, Тилили, Кветцаль...*

[2, с. 117].

Обязательное ожидание второго плана распространяется и на традиционно поэтические, даже банальные слова и на их противоположность – прозаизмы. Все это предполагало новый тип контекста и его внутренних связей. Индивидуалистическое сознание конца XIX века находилась под влиянием многих факторов, в том числе и быстрого темпа развития городов. Человек, разьедаемый страданиями и пороками большого города, мыслился как носитель стихии прозаизмов. Современный урбанизм был началом, закономерно сочетавшимся с другими элементами сознания, поэтому и стилистика урбанизма вполне свободно могла сочетаться со стилистикой, так сказать противоположной, абстрактной, «потусторонней» или эстетизированной. Эта совместимость приводила иногда к своеобразным сплавам новой урбанистической символики с лирическими штампами XIX века. Б. Пастернак, так же как многие, обращается к популярной и вполне естественной реакции на происходящее в мире – к стремительной смене окружающей среды, к ощущению полета, круговороту событий в этот исторический период. Б. Пастернак замечает в первую очередь философские аспекты импрессионизма, он пишет в письме к К. Вольфу: «То, что для французских импрессионистов значили воздух и свет, и то, как они писали увиденное, а не названное, – это для меня единый и всеобъемлющий принцип, или мое собственное устремление». И далее: «сама жизнь охвачена стремительным движением» и в ней «все присутствует и совершается, будто это нескончаемое вдохновение, выбор и свобода» [9, с. 125–126].

В лирике импрессионизма мысль движется по случайным ассоциациям. Смена туманных, отрывочных образов, сливающиеся слова без ясных логических контуров создают общее музыкальное настроение, вызывают эмоции, неразложимые и невыразимые логически, как в музыке. Поэзия импрессионистов действует суггестивно, путем заражения настроением, а не путем сообщения, изображения или «ознаменования». Содержание угадывается, а не передается дискурсивно. К. Бальмонт пишет: «Символизм, импрессионизм, декадентство не что иное, как психологическая лирика, меняющаяся в составных частях, но всегда единая в своей сущности. На самом деле, три этих течения то идут параллельно, то расходятся, то сливаются в один поток, но, во всяком случае, они стремятся в одном направлении, и между ними нет того различия, какое существует между водами реки и водами океана. Однако, если б непременно нужно было давать определение, я сказал бы, что импрессионист – это художник, говорящий намеками субъективно пережитыми и частичными указаниями воссоздающий в других впечатление виденного им целого» [2]. Новой поэзии, которую Бальмонт определяет как «психологическую лирику», преимущественно связанную с импрессионизмом, чужды «дидактические задачи». Она «говорит исполненным намеков и недомолвок нежным голосом сирены или глухим голосом сибиллы, вызывающим предчувствие» (см. [12, с. 337–338]). Однако при всем том в поэзии должны свободно и органически сливаться «два содержания: скрытая отвлеченность и очевидная красота» (см. [12, с. 338]). Писать в стиле импрессионизма – это стремиться передать психологическое состояние момента не только через описание, но и через звучание стихотворения, через его мелодию.

В импрессионизме внимание акцентируется на общении, в котором главенствующее положение занимает субъективная позиция автора, хотя одновременно значимой является активизация читательского восприятия, принимаемого в расчет уже на стадии создания произведения и становящегося тем самым структурным элементом этого произведения. В письме к незнакомке В. Брюсов отмечает: «Не только поэт-символист, но и его читатель должны обладать чуткой душой и вообще

тонко развитой организацией. В символистическое произведение надо вчитываться, воображение должно воссоздать только намеченную мысль автора» [4, с. 43].

Импрессионистическая лирика отличается статикой, человек обездвижен, он вглядывается в урбанистический или природный пейзаж. Все движется вокруг, но наблюдатель остается бездейственным на момент созерцания наблюдения. Вместо «перспективной» связной разработки предмета как целого – импрессионизм дает либо беглое общее впечатление от него, либо несколько впечатляющих деталей (см. [16, с. 146]). Импрессионизм фиксирует данный момент вне причинной его обусловленности и временной перспективы. Созерцанию импрессионистов мир предстает как поток ощущений, качеств, на которые распадается мир форм; конструирование предметности, более связанное с рассудочной деятельностью, в импрессионизме ослабляется. Живописное красочное пятно вытесняет линию, форму. Поэзия импрессионистов ищет живописных мотивов; пейзаж приобретает в ней максимальное значение; она изобилует декоративными сравнениями, насыщена красочными эпитетами.

Например, у З. Гиппиус:

*У меня длинное, длинное чёрное платье,
я сижу низко, лицом к камину.
В камине, в одном углу, чёрные дрова,
меж ними чуть бродит вялое пламя.
Позади, за окном, сумерки,
весенние, снежные, розово-синие*

[6, с. 228–229].

Ряд критиков приписывает русским поэтам-импрессионистам декадентскую позу перед неизбежным наступлением социально-политической катастрофы. Мы также можем предположить, что русский суггестивный импрессионизм, проявившийся в литературе, повлиял на развитие многих художественных течений современности, строящихся на глобальной интеракции человека и природы для познания человеческой психики и антропологии.

«Новые поэты» старшего поколения (в том числе К. Бальмонт, В. Брюсов), которых совре-

менники причисляли к декадентам, мечтали – по крайней мере в начале своего поприща – создать поэтический язык индивидуальный и небывалый. В их творчестве элементы традиционности были стихийными. Не обоснованные теоритически, они возникали из закономерностей, из тенденций лирической поэзии. Для представителей старшего поколения источником поэтических ценностей являлось самодовлеющее эстетическое начало и фетишизированная личность (В. Брюсов впоследствии отошел от этих установок).

Стихотворению «Тихий Дождь» И. Коневского (1899) присущи и символические, и импрессионистские, и суггестивные признаки описательного выражения:

*О дождь, о чистая небесная вода,
Тебе сотку я песнь из серебристых нитей.
Грустна твоя душа, грустна и молода.
Теченья твоего бессменна череда,
И сходишь на меня ты, как роса наутий*

[10, с. 476].

Стихотворение обладает метафизическим смыслом поглощенности человека и человеческого настроения одномоментным природным явлением, стихийным восприятием мира, индивидуалистским мироощущением перед неизбежным коллективным событием. Подобный поэтический концепт преемственным образом становится культурным явлением лирики вплоть до заката Серебряного века.

Итак, мы показали, что импрессионизм ярко проявился в суггестивной лирике русских поэтов Серебряного века: в активном воздействии на воображение посредством логически неуловимых, намекающих тематических, ритмических или звуковых ассоциаций; в некоторой музыкальности; в подчеркивании глубоко личной позиции автора. Именно суггестивная лирика прекрасно подходит для реализации импрессионистических идей (замыслов): фиксации мельчайших впечатлений, как они в данный момент воспринимаются чувствами человека, без особых рассуждений и размышлений; акцентирования внимания на субъективных ощущениях человека.

Литература

1. Бальмонт К. Д. Стозвучные песни: соч. (избр. стихи и проза) [Электронный ресурс]. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. – URL: <http://poesias.ru/proza/balmont-konstantin/balmont1014.shtml> (дата обращения: 05.11.2017).
2. Бальмонт К. Д. Золотая россыпь: избр. переводы / сост. и вступ. ст. А. Романенко. – М.: Советская Россия, 1990. – 320 с.
3. Блок А. А. Избр. – М.: Детская литература, 1969. – 184 с.
4. Брюсов В. Я. Среди стихов 1894–1924. – М.: Советский писатель, 1990. – 714 с.
5. Гинзбург Л. Я. О лирике. – М.: Интрада, 1997. – 384 с.
6. Гиппиус З. Н. Собр. соч. Сумерки духа: Роман. Повести. Рассказы. Стихотворения. – М.: Рус. кн., 2001. – Т. 2. – 506 с.
7. История русской литературы: в 4 т. / под ред. Н. И. Пруцкова и др. – Л., 1980–1983 годы.
8. Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 376 с.
9. Пастернак Б. Из переписки с Куртом Вольфом // Знамя. – 2004. – № 9. – С. 125–126.
10. Русская поэзия XX века. Антология русской лирики первой четверти XX века. – М.: Амирус, 1991. – 684 с.
11. Русская литература XX века (дореволюционный период): хрестоматия. – М.: Учпедгиз, 1962. – 338 с.
12. Соловьев В. Чтения о Богочеловеке. – М., 1982. – Т. 2. – 571 с.
13. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. – М., 1990. – 547 с.
14. Усенко Л. В. Импрессионизм в русской прозе начала XX века. – Ростов н/Д., 1988. – 237 с.
15. Шор В. Импрессионисты, их современники, их соратники. – М., 1976. – 320 с.
16. Cassou J. Odilon Redon. – Paris, 1974. – 95 p.

References

1. Balmont K.D. *Stozvuchnye pesni: sochineniya (izbrannye stikhi i proza) [Stochastic songs: Compositions (selected poems and prose)]*. Yaroslavl, Verkh.-Volzh. kn. izd-vo Publ., 1990. (In Russ.). Available at: <http://poesias.ru/proza/balmont-konstantin/balmont1014.shtml>.
2. Balmont K.D. *Zolotaya rossyp': Izbr. perevody [The Golden Scattering: Selected translations]*. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1990. 320 p. (In Russ.).
3. Blok A.A. *Izbrannoye [Selecta]*. Moscow, Detskaya Literatura Publ., 1969. 184 p. (In Russ.).
4. Bryusov V.Ya. *Sredi stikhov 1894–1924 [Amidst poems of 1894–1924]*. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990. 714 p. (In Russ.).
5. Ginzburg L.Ya. *O lirike [About Lyrics]*. Moscow, Intrada Publ., 1997. 384 p. (In Russ.).
6. Gippius Z.N. *Sobraniye sochineniy. Sumerki dukha: Roman. Povesti. Rasskazy. Stikhotvoreniya [Collected works. The Twilight of the Spirit: Novel. Narratives. Stories. Poems]*. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2001. 506 p. (In Russ.).
7. *Istoriya russkoy literatury: v 4 tomakh [History of Russian Literature. In 4 volumes]*. Leningrad, 1980–1983. (In Russ.).
8. *Poeticheskiy slovar' [Poetic Dictionary]*. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1966. 376 p. (In Russ.).
9. Pasternak B. Iz perepiski s Kurtom Volfom [From Letters to Curt Wolf]. *Znamya [Banner]*, 2004, no. 9, pp. 125-126. (In Russ.).
10. *Russkaya poeziya XX veka. Antologiya russkoy liriki pervoy chetverti XX veka [Russian Poetry of the 20th Century. Anthology of Russian Lyrics of the First Quarter of the 20th Century]*. Moscow, Amrius Publ., 1991. 684 p. (In Russ.).
11. *Russkaya literatura XX veka (dorevolutsionnyy period): khrestomatiya [Russian Literary of the 20th Century (pre-revolution translation). Reader]*. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1962. 338 p. (In Russ.).
12. Solovyev V. *Chteniya o Bogocheloveke [Reading on the Godman]*. Moscow, 1982, vol. 2. 571 p. (In Russ.).
13. Solovyev V.C. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika [Arts Philosophy and Literary Critics]*. Moscow, 1990. 547 p. (In Russ.).
14. Usenko L.V. *Impressionizm v russkoy proze nachala XX veka [Impressionism in Russian Prose of the Early 20th Century]*. Roston-on-Don, 1988. 237 p. (In Russ.).
15. Shor V. *Impressionisty, ikh sovremenniki, ikh soratniki [Impressionists, Their Contemporaries, Their Companions]*. Moscow, 1976. 320 p. (In Russ.).
16. Cassou J. *Odilon Redon*. Paris, 1974. 95 p. (In Engl.).